

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

СЕВЕР И ЮГ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г22

Серия «Эксклюзивная классика»

Elizabeth Gaskell
NORTH AND SOUTH

Перевод с английского *Т. Осиной*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Гаскелл, Элизабет.

Г22 Север и юг : [роман] / Элизабет Гаскелл ; [пер. с англ. Т. Осиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 576 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-105780-0

Богатый фабрикант с промышленного севера Англии Джон Торнтон и блестяще образованная дочь скромного священника с юга Маргарет Хейл возненавидели друг друга с первого взгляда. Кто Джон в глазах девушки? Невежественный нувориш, считающий, что все в этом мире продается и покупается. А кто для него Маргарет? Заносчивая кисейная барышня, слишком многое о себе возомнившая, — особенно если учесть, что у ее отца нет ни гроша. Однако не зря говорят, что от ненависти до любви — один шаг, — противостояние молодых людей, не уступающих друг другу умом, волей и характером, постепенно превращает их взаимную неприязнь в куда более теплое чувство. Чувство, в котором, и Маргарет, и Джон не смеют признаться даже самим себе...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. Т. Осина, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

От автора

Поскольку роман впервые увидел свет в журнале «Хаусхолд вордс», автору пришлось подчиниться строгим требованиям еженедельного издания, во имя интересов читающей публики соблюдая определенные, заранее заданные условия. Хотя рамки оказались далеко не самыми жесткими, автору не удалось в полной мере воплотить первоначальный замысел. Более того, пришлось с невероятной поспешностью привести события к финалу. Чтобы до некоторой степени смягчить этот очевидный недостаток, в текст были включены дополнительные короткие эпизоды и добавлены новые главы. С этим пояснением отдаю свой труд на милость читателя.

Нижайше умоляю о снисхождении, жалости и прощении за дерзкое признание!

Глава 1

ПОСПЕШНАЯ СВАДЬБА

Сосватана, обвенчана и мужу отдана.

Из народной песни

— Эдит! — негромко позвала Маргарет. — Эдит!

Однако, как и предполагала Маргарет, Эдит уснула. Прелестная, в белом муслиновом платье с голубыми лентами, она свернулась калачиком на софе в маленькой гостиной дома на Харли-стрит. Если бы Титания явилась одетой в белое муслиновое платье с голубыми лентами и нечаянно уснула на алой атласной софе в маленькой гостиной, ничего бы не стоило принять ее за Эдит. Красота кухни не впервые поразила Маргарет. Девушки выросли вместе, и с раннего детства все вокруг не переставали восхищаться очарованием Эдит. Одна лишь Маргарет никогда не думала об этом, и только в последние дни близость расставания представила достоинства подруги в новом, особенно ярком свете. Они разговаривали о свадебных платьях, о церемонии венчания; о капитане Ленноксе и обо всем, что жених рассказывал Эдит о будущей жизни на острове Корфу, где стоял его полк; о том, как трудно поддерживать точный строй клавикордов (эта проблема казалась Эдит одной

6 из самых сложных в замужестве); о нарядах, необходимых для свадебного путешествия в Шотландию. Постепенно шепот становился все более и более несвязным, а после недолгого молчания Маргарет с удивлением обнаружила, что, несмотря на шум в соседней комнате, Эдит свернулась в мягкий комок из муслина, лент и шелковых локонов и безмятежно погрузилась в сладкий послеобеденный сон.

Маргарет как раз собиралась поделиться с кухней планами своей будущей жизни в сельском приходе, где обитали родители и где неизменно проходили счастливые дни каникул: — притом что в последние десять лет дом тетушки Шоу считался родным, — однако за неимением собеседницы пришлось довольствоваться молчаливыми размышлениями о грядущих переменах. Несмотря на легкую грусть неопределенно долгого расставания с милой тетушкой и любимой кухней, раздумье оказалось приятным, но в тот момент, когда преимущества исключительного положения единственной дочери vicария прихода Хелстон предстали в ослепительном блеске, из соседней комнаты долетели обрывки разговора. Тетушка Шоу беседовала с пятью-шестью приглашенными на обед дамами, чьи мужья все еще оставались в столовой. Все они считались близкими знакомыми семьи, соседками, которых миссис Шоу называла подругами, потому что обедала с ними чаще, чем с другими, а если им с Эдит что-то срочно требовалось, они не стеснялись нанести визит еще до ленча, и наоборот. На правах друзей эти супружеские пары получили приглашение на прощальный обед по случаю грядущего замужества мисс Шоу. Надо заметить, что самой Эдит идея не нравилась, поскольку капитан Леннокс должен был приехать вечерним поездом, однако избалованная, беспечная девушка не обладала достаточно сильной волей, поэтому сдалась, едва узнав, что матуш-

ка уже заказала изысканные деликатесы, призванные притупить безмерное горе прощального вечера. В знак протеста она сидела за столом с мрачным и отсутствующим видом, откинувшись на спинку стула и едва прикоснувшись к остывающей на тарелке еде. Тем временем все остальные с удовольствием слушали шуточки мистера Грея — джентльмена, во время приемов миссис Шоу неизменно занимавшего самое дальнее, наименее почетное место за столом, и просили Эдит поиграть на фортепиано в гостиной. На этом прощальном обеде мистер Грей пребывал в особенно приятном расположении духа, поэтому джентльмены задержались в столовой дольше обычного, и, судя по обрывкам разговора, правильно сделали.

— Я сама слишком много страдала. Не хочу сказать, что брак с бедным дорогим генералом не принес мне безмерного счастья, и все же разница в возрасте — серьезный недостаток, от которого я твердо решила избавиться дорогую Эдит. Конечно, без тени материнского пристрастия, я заранее знала, что моя девочка рано выйдет замуж. Более того, часто повторяла, что уже к девятнадцати годам отдам ее супругу, так что испытала поистине пророческое чувство, когда капитан Леннокс...

Здесь миссис Шоу перешла на шепот, однако Маргарет без труда домыслила продолжение. Путь Эдит к истинной любви оказался на редкость гладким. Миссис Шоу дала волю предчувствию, как она выразилась, и постаралась ускорить свадьбу — несмотря на то что многие из знакомых Эдит испытали разочарование, поскольку ожидали для молодой хорошенькой наследницы более выгодной партии. Однако миссис Шоу заявила, что единственная дочка должна выйти замуж по любви, и выразительно вздохнула, словно не любовь привела ее к браку с пожилым генералом. Матушка от-

8 носилась к помолвке куда более восторженно и трепетно, чем сама невеста. Глубокая искренняя любовь не мешала Эдит предпочитать удобный дом в Белгравии живо описанным капитаном Ленноксом экзотическим красотам острова Корфу. Рассказы, которые Маргарет слушала, затаив дыхание, вызывали у кузины лишь дрожь отвращения — пусть и не совсем искреннюю, а призванную вдохновить капитана на особое красноречие. Не слишком благоустроенная кочевая жизнь не сулила молодой супруге ничего, кроме мучительных неудобств. И все же явись к ней обладатель прекрасного дома, богатого поместья и заманчивого титула, Эдит все равно осталась бы с капитаном Ленноксом до тех пор, пока царствовало всесильное влечение. А потом, когда чувства утратили бы первоизданную свежесть, возможно, испытала бы легкое сожаление из-за того, что капитан Леннокс не сосредоточил в собственной персоне все желанные качества. В этом отношении она оставалась истинной дочерью собственной матери. Сознательно выйдя замуж за генерала Шоу исключительно из уважения к его положению и заслугам, та непрерывно, пусть и тихо, оплакивала несправедливость судьбы, соединившей ее с любимым человеком.

— Я не пожалела средств на приданое, — долетело до слуха Маргарет признание заботливой матушки. — Отдала все подаренные генералом роскошные индийские шали и шарфы; все равно больше никогда не надену.

— Ах как повезло девочке! — прозвучал другой голос, и Маргарет узнала миссис Гибсон — леди, особенно заинтересованную в разговоре, так как одна из ее дочерей вышла замуж всего пару недель назад.

— Хелен мечтала об индийских шалиях, но узнав, какую цену за них просят, я была вынуждена отказать.

Вот уж она позавидует Эдит! Какие они? Ажурные, с прелестной бахромой? 9

Снова послышался голос тети, однако теперь уже так, словно она приподнялась с кресла и заглянула в полутемную маленькую гостиную:

— Эдит! Эдит!

Маргарет подошла к двери.

— Эдит спит, тетушка. Может, я чем-то помогу?

— Бедное дитя! — дружно воскликнули дамы, услышав огорчительное известие, а крошечная собачка на руках миссис Шоу отчаянно затыкала — очевидно, в приступе острого сочувствия.

— Тише, Кнопка! Что за озорница! Разбудишь свою хозяйку. Я всего лишь хотела узнать, не прикажет ли Эдит горничной принести сюда ее шали. Может, милочка, это сделаешь ты?

Маргарет поднялась на самый верх, в старую детскую, где Ньютон выбирала к свадебной церемонии разноцветные ленты. Пока, недовольно ворча, горничная в четвертый или пятый раз за день распаковывала шали, Маргарет оглядела детскую — первую в доме комнату, куда попала девять лет назад, когда приехала из деревни, чтобы разделить игры и учебу кузины Эдит. Вспомнила темное, мрачное помещение, где безраздельно царствовала строгая, церемонная няня, не выносившая грязных рук и порванных платьев. Вспомнила и первую чашку чая — здесь, под самой крышей, отдельно от отца и тетушки, обедавших где-то далеко внизу, в бесконечной глубине лестницы. Тогда девочка подумала, что, если только сама она не витает высоко в небесах, они должны сидеть в недрах земли. Дома, в Хелстоне — до переезда на Харли-стрит, — детской служила мамина гардеробная, а поскольку в сельском приходе спать ложились рано, Маргарет всегда ужинала вместе с родителями. О, статная восемнадцатилетняя

10   девушка не забыла горьких слез, пролитых под одеялом девятилетней девочкой в первую ночь. Не забыла и приказа няни немедленно замолчать: рыдания тревожат сон мисс Эдит. Однако Маргарет все равно продолжала плакать так же горько, как и прежде, хотя гораздо тише, до тех пор пока незнакомая, нарядная, красивая тетушка не поднялась неслышно наверх вместе с мистером Хейлом, чтобы показать зятю сладко спящую дочку. Только тогда маленькая Маргарет перестала всхлипывать и постаралась лежать тихо, чтобы не расстраивать отца. Она не смела показать истинные чувства тетушке, да и вообще считала, что не имеет права горевать: дома так долго обсуждали грядущий переезд, строили планы, готовили новый гардероб, достойный блестящей столичной жизни. Да и папа с трудом выкроил несколько дней, чтобы оставить приход и отлучиться в Лондон.

А сейчас она с нежностью осматривала старую опустевшую детскую и с сожалением привыкшей к дому кошки думала, что уже через три дня придется навсегда ее оставить.

— Ах, Ньютон! — воскликнула Маргарет. — Наверное, все мы с сожалением покинем эту милую комнату.

— Честно говоря, мисс, лично я грустить не собираюсь. Глаза уже не такие острые, как прежде, а здесь так темно, что чинить кружева можно только у самого окна, на жутком сквозняке. Того и гляди замерзнешь насмерть!

— Зато уж в Неаполе будет светло и тепло, так что отложите штопку до лучших времен. Спасибо, Ньютон, я сама отнесу. Вы и без того заняты.

Маргарет отправилась вниз по лестнице с целой охапкой шалей в руках, вдыхая их пряный восточный аромат. Поскольку Эдит все еще спала, тетушка попросила ее исполнить роль манекена. Никто не подумал,

что высокая, безупречно сложенная Маргарет, по случаю траура по дальнему родственнику отца одетая в черное шелковое платье, с особым блеском представит пышные складки роскошных шалей, в которых маленькая хрупкая Эдит попросту утонула бы. Маргарет безучастно, без единого слова стояла под люстрой, пока тетушка деловито расправляла драпировку. Время от времени, когда приходилось поворачиваться, она бросала быстрый взгляд в каминное зеркало, улыбалась при виде знакомых черт в ярком, достойном сказочной принцессы убранстве, бережно прикасалась к тонким тканям, с удовольствием ощущая их невесомую мягкость, и гордилась собой, по-детски радуясь великолепию. В эту минуту дверь внезапно распахнулась, и дворецкий торжественно объявил о приезде мистера Генри Леннокса. Некоторые из дам испуганно отпрянули, словно стыдясь сугубо женского интереса. Миссис Шоу приветственно вытянула руку, а Маргарет продолжала стоять неподвижно, покорно исполняя роль вешалки для шалей, устремив ясный, веселый взгляд на вошедшего гостя, словно не сомневалась в его сочувствии собственному нелепому положению.

Мистер Леннокс не успел к обеду, и сейчас тетушка погрузилась в подробные расспросы о брате и сестре, приехавших вместе с ним из Шотландии, чтобы исполнить на свадьбе почетные роли свидетеля жениха и подружки невесты, а также о прочих членах семейства. Маргарет поняла, что в услугах манекена здесь более не нуждаются, и посвятила себя развлечению гостей, о которых хозяйка мгновенно забыла. Спустя минуту, щурясь и моргая от яркого света, из соседней комнаты появилась Эдит со спутанными локонами, напомнив разбужденную, но еще не до конца проснувшуюся Спящую красавицу. Даже во сне она инстинктивно почувствовала, что ради члена семейства Леннокс стоит

12   встать, и принялась засыпать гостя вопросами о дорогой Дженет — пока еще неведомой, однако уже горячо любимой будущей золовке. Только гордость удержала Маргарет от ревности к выскочке-сопернице. Тем временем тетушка поддержала общий разговор, и она позволила себе отступить на запасную позицию. Генри Леннокс столь прямо и сосредоточенно посмотрел на свободный стул рядом, что сомнений не осталось: как только Эдит закончит допрос, он немедленно его займет. По сбивчивым рассуждениям тетушки трудно было понять, появится ли жених этим вечером, так что визит брата оказался едва ли не приятным сюрпризом. Теперь скучать точно не придется. Вкусы их в значительной степени совпадали. Лицо Маргарет светилось искренним, открытым интересом. Вскоре Генри Леннокс подошел, и она без тени смущения или застенчивости приветствовала его сияющей улыбкой.

— Полагаю, вы с головой ушли в работу — разумеется, чисто женскую. Ничего общего с моими юридическими штудиями. Игры с пестрыми шалиями разительно отличаются от заключения контрактов.

— О, я знала, что, застигнув нас в минуту незамутненного восторга, вы искренне позабавитесь, однако индийские шали и в самом деле не имеют себе равных.

— Ни на миг не сомневаюсь в их непревзойденных достоинствах. Да и цены вполне соответствуют качеству. О лучшем и мечтать не приходится.

В комнату один за другим вернулись джентльмены. Гул голосов заметно сгустился.

— Это последний званый обед? Другие до четверга не планируются?

— Нет. Кажется, после сегодняшнего вечера наконец-то удастся отдохнуть — впервые за несколько недель. По крайней мере, суэта позади: все готово к собы-

тию, достойному целиком занять и ум и сердце.

Буду рада улучшить минутку и спокойно подумать. Не сомневаюсь, что Эдит чувствует то же самое.

— Не знаю, как она, однако полагаю, что вы действительно заслужили отдых, ведь, насколько могу судить, в последнее время закружились в вихре чужих забот.

— Да, — печально подтвердила Маргарет, вспомнив непрерывную пустяковую суету длиной в месяц. — Неужели свадьбе неизбежно должно предшествовать то, что вы назвали вихрем забот, или иногда все-таки можно провести время тихо и спокойно?

— Чтобы все как у Золушки: фея-крестная закажет приданое, организует свадебный завтрак, напишет и разошлет приглашения, — со смехом продолжил Генри.

— Но разве все эти пустые, утомительные мелочи безусловно необходимы? — спросила Маргарет и посмотрела требовательно, ожидая прямого ответа и особенно остро ощущая неописуемую усталость последних шести недель.

В борьбе за внешний эффект Эдит выступала в роли верховной власти, и сейчас Маргарет мечтала услышать несколько трезвых, ободряющих мыслей относительно церемонии бракосочетания.

— О, разумеется, — ответил мистер Леннокс почти серьезно. — Существуют обычаи и ритуалы, которые необходимо преодолеть не ради собственного удовлетворения, а чтобы заткнуть болтливые рты. Без этой затычки семейная жизнь не принесет счастья. Но как бы организовали свадьбу вы?

— Честно говоря, никогда об этом не думала. Знаю только, что все должно случиться чудесным летним утром. Хотелось бы идти в церковь под сенью деревьев. Так много подружек невесты вовсе ни к чему, да и свадебный завтрак тоже не нужен. Кажется, я отвергаю все,

14 что сейчас доставило самые утомительные хлопоты.

— Нет, дело в другом. Идея достойной простоты вполне соответствует вашему характеру.

Маргарет эти слова не понравились, особенно когда на память пришли многочисленные попытки вовлечь ее в обсуждение собственного характера и пристрастий (причем сам мистер Леннокс всегда старался занять второстепенную позицию), поэтому она поспешила возразить:

— Не стоит удивляться, что, думая о свадьбе, я представляю церковь в Хелстоне и ведущую к ней дорогу, а вовсе не поездку в карете по тесным мощеным улицам Лондона.

— Расскажите о Хелстоне. Вы еще ни разу не описывали родные края. Хочу хотя бы мысленно увидеть то место, где будете жить, когда дом номер девяносто шесть по Харли-стрит опустеет и превратится в пыльную, заброшенную, убогую лачугу. Прежде всего что это: село или город?

— О, даже селом не назовешь. Всего лишь деревушка, не больше. В центре возвышается церковь, а вокруг, на просторной лужайке, свободно разбросаны дома — совсем небольшие, но утопающие в розах.

— А завершает вашу картину непрерывное буйное цветение, особенно на Рождество, — добавил Генри.

— Ничего подобного, — раздраженно возразила Маргарет. — Вовсе не пытаюсь нарисовать картину, а описываю Хелстон таким, каков он на самом деле. Так что вы напрасно это сказали.

— Простите, каюсь, — извинился мистер Леннокс. — Вот только ваша деревня действительно больше похожа на сказочную, чем на настоящую.

— Так и есть, — с готовностью согласилась Маргарет. — После нее все остальные места, которые довелось

видеть в Англии, показались мне скучными и прозаичными. Хелстон напоминает деревню из стихотворения Теннисона. Но больше не буду ничего рассказывать. Если узнаете, что я действительно думаю, замучите насмешками.

— Вовсе нет. Однако вижу, что сегодня вы настроены крайне решительно. В таком случае опишите хотя бы самое важное и интересное — дом священника.

— Но это же невозможно! Кто осмелится выразить словами очарование родного дома?

— Сдаюсь. Сегодня вы особенно суровы, Маргарет.

— Разве? — удивилась она, взглянув на собеседника большими нежными глазами. — А я и не знала.

— Конечно. Стоило мне вставить неудачное замечание, как сразу отказались рассказывать и о Хелстоне, и о своем доме. И это несмотря на то, что я честно признался: мечтаю услышать и о том и о другом. Особенно о доме.

— Но я действительно не могу рассказать о родительском доме. Больше того: считаю, что на эту тему вообще нельзя говорить.

— Что ж, в таком случае... — Генри Леннокс немного помолчал. — Тогда расскажите о том, чем там занимаетесь. Здесь вы в первой половине дня читаете, учитесь или каким-то иным способом работаете над собой. Потом гуляете. После ленча выезжаете с тетушкой в экипаже, а вечером каким-то образом развлекаетесь. А чем заполните день в Хелстоне? Будете ездить верхом, кататься в экипаже или ходить пешком?

— Разумеется, только пешком. У нас нет лошади, даже для папы. Он ходит в самые дальние уголки прихода. Вокруг так красиво, что стыдно ездить в коляске и даже верхом.

— А садом собираетесь заниматься? Полагаю, это подходящее занятие для молодой сельской леди.